

**РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ И.Т. ПОСОШКОВА
СТЕФАНУ ЯВОРСКОМУ)**

В статье анализируется язык ранее не исследованных с лингвистической точки зрения 3 писем публициста, общественного деятеля Петровской эпохи И.Т. Посошкова митрополиту Стефану Яворскому. В частности, рассматриваются морфологические, синтаксические и лексические особенности писем. В результате исследования было установлено, что автор использует элементы и церковнославянского языка, и делового (приказного) языка, и живой речи.

Ключевые слова: *Петровская эпоха, язык первой трети XVIII века, приказный язык, живая речь, церковнославянский язык, диглоссия, двуязычие*

XVIII век – «век Просвещения», время, когда во всем мире стремительно развивались наука и техника, общественная, политическая и культурная жизнь. В России XVIII век был революционным периодом в истории становления сильной Российской империи. Проведенные Петром реформы (реформа государственного правления, реформа армии и флота, административная, областная, судебная, налоговая, финансовая, церковная, социальные реформы и т.д.) не просто изменили страну, усовершенствовали военное и морское дело, реорганизовали структуру государственного правления, но и полностью поменяли мировоззрение жителей страны, совершили переворот в их сознании.

Цель реформаторской деятельности Петра Великого – создать могучую Российскую империю, сильнейшее, богатейшее и самое просвещенное европейское государство.

Масштабная деятельность Петра, изменение статуса страны, просвещение народа, развитие науки и техники, торговли, установление дипломатических отношений с новыми странами – все это требовало новых средств передачи информации: новых переводов, новых книг, содержание которых нельзя было передать языковыми средствами церковнославянского языка.

Как справедливо заметил П.И. Житецкий, Петр, будучи реформатором русской государственной жизни, понимал важность языка, способного служить «органом правительственной власти» и «символом государственного единства» для всей страны /Житецкий 1903: 17/.

Предметом исследования в данной статье является национальный русский литературный язык Петровской эпохи. Объектом исследования являются основные грамматические и лексические особенности русского литературного языка первой трети XVIII века. Материалом для иллюстраций послужили ранее не исследованные с лингвистической точки зрения 3 письма публициста, общественного деятеля первой трети XVIII века И.Т. Посошкова русскому церковному и государственному деятелю, крупнейшему представителю западнорусской философской школы митрополиту Стефану Яворскому.

Необходимо заметить, что предпосылки для формирования национального русского языка, единого для всех слоев населения страны, появились еще во второй половине XVII века. Как отмечает А.А. Алексеев, грамматическая система национального русского языка сформировалась в XVI-XVII веках, а в XVIII век этот язык пришел уже в готовом виде /Алексеев, 2013: 66/.

Формирование нового литературного языка непосредственно является результатом реформы русской азбуки, проведение которой Петр I считал принципиально важным пунктом в процессе европеизации России. Преобразованная азбука разделила церковную и гражданскую письменность, каждая из которых выполняла свою функцию. О функциональном разделении церковнославянского языка и делового написал сам Петр I на переплете гражданской азбуки: «Сими литеры печатать историческия и мануфактурныя книги, а которыя подчернены, тех в вышеописанных книгах не употреблять» /цит. по Житецкий, 1903: 18/.

Реформа азбуки привела к дальнейшему развитию и созданию русско-гражданского шрифта. Реформа в области языка отразилась и на судьбе церковнославянского литературного языка книжно-славянского типа: сфера его применения ограничилась богослужебными текстами, частично он употребляется в научных и учебных текстах, в художественной литературе (торжественная ораторская проза, панегирическая поэзия).

Уже в начале реформаторской деятельности Петра I возникла необходимость формирования нового русского литературного языка. Известно, что в XV-XVII веках в Московском государстве существовало два языка, противопоставленных друг другу. Однако в начале XVIII века, как отмечает Б.А. Успенский, происходит переход от церковнославянского-русской диглоссии, когда два языка конкурируют друг с другом, к церковнославянского-русскому двуязычию, при котором каждый язык обслуживает определенную сферу /см.: Успенский, 1994: 6/. Но еще долгое время элементы двух языковых систем встречаются в пределах одного произведения: различные по тематике отрывки одного сочинения могли быть написаны тем языком, которым было продиктовано содержание этого отрывка – либо церковнославянским, либо живым русским языком и элементами делового языка.

Как отмечают многие исследователи рассматриваемого периода, основой нового русского национального языка стал «средневеликорусский, переходный говор Москвы», московское койне, в которое через церковнославянский язык проникали южнославянские элементы. Говор Москвы, который был понятен всем жителям страны, был лишен резких диалектных особенностей. И это стало причиной того, что язык постепенно расширял свои территориальные границы.

Государственный же язык Московской Руси опирался на административную деятельность столицы, следовательно, вернее будет называть русский язык XVI-XVII веков «московский приказный язык», или «московский деловой язык» (термин «московский» в данном случае – это синоним слов «русский», «государственный»). Приказный язык стал своего рода инструментом для объединения русских земель и укрепления русского централизованного государства /см.: Ремнева, 2003: 271/.

Главная функция приказного языка – оформление деловых документов, с чем связаны бедность и односторонность его лексического состава, однообразие, невыразительность синтаксиса. Для того чтобы обслуживать все сферы деятельности носителей языка, приказный язык стал пополняться новыми словами и оборотами, синтаксическими средствами.

Изучив научную литературу и собрав воедино точки зрения некоторых исследователей, мы пришли к выводу, что приказный язык был государственно-административным языком, отражал язык древнерусской народности, нормы приказного языка были нестабильными, открытыми для заимствований, о чем свидетельствует вариантность форм слов.

Далее представим наиболее яркие особенности языка (грамматические и лексические), выявленные при анализе писем И.Т. Посошкова Стефану Яворскому:

• **морфологические особенности:**

– перфект без связки как основная форма прошедшего времени, например, «Нынѣ Государь видѣлъ я на печатномъ дворѣ строящіяся новыя требники, и зря ихъ возбудилась ми мысль...» (Первое письмо, с. 309); «...самъ ты, государь, въси, еже апостоль Павелъ написалъ, яко и діаконамъ достоитъ таинство вѣры знать...» (Второе письмо, с. 21); параллельно спорадически употребляется аорист как реликт старой системы форм прошедшего времени, например, «Ей неученый есмь человекъ, къ сему же еще и земледѣлецъ есмь, токмо отъ вложенныя ми от Бога ревности возжелахъ о сихъ статьяхъ донести...» (Первое письмо, с. 316); «... и къ прежнему своему писанію умыслихъ къ вяищему скоренію расколовъ и къ созиданію святыя восточныя церкви и къ соединенію развратившіяся нашея христіанскія вѣры второе писаніе предъ святость твою предложить» (Второе письмо, с. 19); «...иже тако подави пшеницу, яко и слѣда ея тамо не оста, рѣку, нѣсть бо въ томъ народѣ ни единого человека...» (Третье письмо, с. 33);

– глагольные формы на *-ыва/-ива* как специфическая особенность приказного языка, служившие средством выражения плюсквамперфектного значения, что также является реликтом сложной системы глагольного времени, например, «*Подобнѣ егда станетъ презвитерь и своего брата презвитера жъ исповѣдывать...*» (Первое письмо, с. 311); «*... и буде кой право разсуждаетъ, того бѣ имя памятоваль и записываль въ тетрадь...*» (Второе письмо, с. 23);

– новые формы инфинитива на *-ть* и старые формы с исходом на *-ти*, например, «*... нужную нуждоу всенародную разсмотрити*»; «*... да и разоумѣть емоу непочему...*» (Первое письмо, с. 308); «*... и аще кои хотя едину орфографию выучать и правописание познають, то въ новоисправленныхъ книгахъ могутъ исправленные речи разоумѣти, кои право исправлены или кои и неправо, и раскольникамъ, упирающимся о новоисправныхъ речахъ, будутъ разсуждать, и мало по малу стануть и раскольники правость въ книгахъ познавать...*» (Второе письмо, с. 22); «*...аще восхоцетъ того челоуѣка въ паству свою прияти, то о всемъ у него противо вышеописанного изложениа разспроситъ подлинно и записать тѣ рѣчи въ черную записку...*» (Третье письмо, с. 37). В количественном отношении в письмах И.Т. Посошкова преобладают новые формы с исходом на *-ть*;

– варианты флексии падежно-предложных форм:

▪ окончание *-омъ/-емъ//амъ/-ямъ* в дательном падеже множественного числа, например, «*... и положитъ бы такое всѣмъ презвитерамъ повеление...*» (Первое письмо, с. 309); «*И аще, государь, сего стараго обыкновенія всего не отринуть и порядковъ прежнихъ не изменить, то никогда намъ россияномъ добра не видать...*» (Второе письмо, с. 21); «*И сего ради надлѣжитъ намъ всѣмъ православнымъ христианомъ о семъ потщатися...*» (Третье письмо, с. 33);

▪ окончание *-ами/-ями* для существительных II склонения с древней основой на *ѣ в творительном падеже множественного числа вместо старых флексий *-ы/-и*, например, «*... и единою вѣрою безъ дѣлъ, ни дѣлами добрыми безъ вѣры знаменія никакова челоуѣкъ сотворити не можетъ*» (Второе письмо, с. 29);

▪ новая флексия *-ахъ/-яхъ* для слов мужского и среднего рода во множественном числе, параллельно использовалась и церковнославянская форма на *-ехъ*, например, «*...А естли въ посѣлянехъ посмотреть, то истинно не чаю изъ десяти тысяць обрѣсти челоуѣка...*» (Первое письмо, с. 309); «*Я аще и не бываль во иныхъ окрестныхъ Государствахъ, обаче не чаю нигдѣ безоумъствоу обрѣстися*» (Первое письмо, с. 313); «*Такожде бѣ и въ городѣхъ во всехъ епархияхъ построить училища и въ те училища разослатъ бы те напечатанные грамматики и изъ московского училища учениковъ...*»

(Второе письмо, с. 22); «... а ходять они чрезъ передней дворъ, то на тѣхъ же воротѣхъ подписывать ...» (Третье письмо, с. 44);

▪ флексии *-ый/-ий* (характерные для книжного языка) и *-ой/-ей* (свойственные деловому языку) у прилагательных мужского и среднего рода в именительном падеж единственного числа, например, «*Великій Архипастырю восточные Христовы церкви и нашъ великій свѣтильниче Всероссийскій!*...» (Первое письмо, с. 308); «*Толь мы просты, что не токмо бѣ кто ученой иновѣрецъ, но хотя бы самой послѣдней земледѣлецъ иновѣрной о чесомъ спросилъ насъ Москвичъ...*» (Там же); «... инъ отповѣди дать не умѣеть и московской священникъ...» (Второе письмо, с. 28); «*И буде не въ томъ приходѣ преставился, въ коемъ отецъ его духовной...*» (Третье письмо, с. 40);

– окончания *-аго/-яго* для прилагательных мужского и среднего рода в родительном падеж единственного числа вместо церковнославянских *-ааго/-яаго*. В языке постепенно стали устанавливаться окончания *-ого/ -его*, произносительной нормой которых позже стали окончания *-ово/-ева/-ова/-ева*, однако в изучаемых нами письмах автор в основном использует формы на *-аго/-яго*, например, «*И о прочихъ Христіанскихъ добродѣтеляхъ всякаго сына доуховаго, богатаго и убогаго, наказывал бы с великимъ прилѣжаніемъ, не торопясь*» (Первое письмо, с. 311); «*И для совершеннаго отсечення прежняго буиства достоинъ предгль положить недвижимыи...*» (Второе письмо, с. 23); «... и естли ради соседей и понесутъ раскольницы болнаго своего младенца, яко бы причастить, и, вынесиши изъ двора, за угломъ постоить да и принесетъ домой и скажетъ сосѣдямъ, яко причащала, и таковымъ образомъ сокрываютъ свое расколничество» (Третье письмо, с. 38);

– параллельное использование местоимения *я* и церковнославянского *аз*, галантной формы *вы, ваш* и *ты, твой* при обращении к собеседнику, например, «*Я мню, что и на Москвѣ развѣ сотоу человекъ знает, что то естъ православная Христіанская вѣра...*» (Первое письмо, с. 308); «*Ей, Государь! Вамъ непочесому знать, какое въ народѣ нашемъ обыклое и застарѣлое безумство содѣвается*» (Первое письмо, с. 312); «*И отъ всея души своя душа святость твою молю...*» (Первое письмо, с. 316); «*Того ради и главу свою убогую къ ногамъ твоимъ честнымъ подноситъ*» (Второе письмо, с. 32); «*И того ради азъ сице умыслихъ, аще по вашему святительскому соизволенію великій государь по вѣмъ приходскимъ и неприходскимъ церквамъ...*» (Третье письмо, с. 33);

– энклитические формы личных местоимений *ми, ти*, утраченные в XVII веке и выполняющие в сочинениях XVIII века роль архаизмов, однако в письмах Посошкова они не являются стилистически маркированными, например, «*Вѣмъ бо, яко не вся наша Христіанская нужда суть ти извѣстна; того бо ради и дерзнухъ ти тоу нашу доуховную нуждоу чрезъ*

сие писаніе изъясвити» (Первое письмо, с. 308); «... и вельми ми забольно, что в праздничные дни свѣщами церковь ... наполняютъ...» (Первое письмо, с. 315); «...вѣруя в мя дела, яже азъ творю и той сотворитъ и боша сихъ сотворитъ» (Второе письмо, с. 28);

– новая глагольная форма – деепричастие как элемент нового языка, например, «... и научилъ бы его и тому съ каковымъ намѣреніемъ въ церковь входитъ и въ ней стоятъ, и о всемъ доуховномъ управленіи наказавъ и утвердя, начать по обучаю исправлять исповѣдь» (Первое письмо, с. 310); «И о чемъ вся разъясняя, хорошо бѣ намъ показать и бусурманскихъ вѣръ уставы...» (Второе письмо, с. 25); «... и, записавъ въ книгу, списавъ съ книги списокъ въ слово въ слово и заруча тотъ списокъ, презвитеру своєю рукою отдать для крещенія младенца ...» (Третье письмо, с. 34);

– именной падеж вместо звательного при обращении, например, «Азъ истинно, государь, чаю, что вашей святыни о пѣныхъ священникахъ подлинно не известно...» (Второе письмо, с. 28); «И есть ли, государь святой архіерею Божіи, сицевое повелѣніе великаго государя и ваше святительское изволеніе состоялось...» (Третье письмо, с. 47); однако иногда встречается и форма звательного падежа, например, «Великій Архипастырю восточные Христовы церкве и нашъ великій свѣтильниче Всероссійскій!...» (Первое письмо, с. 308); «И сицевымъ образомъ, если ты, великій Архіерею Божій!...» (Первое письмо, с. 312);

• **синтаксические особенности:**

– характерные для старого приказного языка присоединительные цепочечные конструкции, например, «Я мню, что и на Москвѣ развѣ сотой человѣкъ знаетъ, что то есть православная Христіанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля его, или какъ ему молитися, и какъ молитва приноситъ, и какъ воля его творить? или какъ Пресвятую Богородицу почитать, и какъ Ангеловъ и угодниковъ Божіихъ чититъ, и какъ ихъ въ помощь себѣ призывать, или о ходатайстве молитъ...» (Первое письмо, с. 309);

– сложные конструкции с придаточными предложениями, присоединяющимися к главным различными архаическими союзами (*понеже, поелику, егда, дондеже, аще* и т. п.), свойственными церковнославянскому языку, и параллельное использование союзных средств языка нового типа (*буде, кой, который*), например, «Буде кой младенецъ въ грозъ возрастетъ, той будетъ и до старости боязливъ, понеже страхъ въ немъ заростетъ и не изыдетъ, изъ него даже и до старости, и тако чесого ни навыкнетъ изъ младенчества, съ тѣмъ и пребудетъ» (Первое письмо, с. 314); «... и аще кои хотя едину орфографию выучать и правописаніе познають, то въ новоисправленныхъ книгахъ могутъ исправленные речи разумѣти, кои право исправлены или кои и неправо...» (Второе письмо, с. 22); «И егда кои человѣкъ восхоцетъ исповѣдыватися у когого презвитера

впервые, то ему притти до исповѣдыванія дни за три или за четыре принять благословеніе и свое къ нему лъжащее намъреніе возвъстити...» (Третье письмо, с. 37);

- **лексические особенности.** Экстралингвистические факторы (сотрудничество с новыми государствами, интенсивные языковые контакты и т.д.) способствовали серьезному изменению лексики русского языка. Этот период также характеризуется как время формирования многих терминологических систем.

Анализ текстов сочинений первой трети XVIII века показал, что лексику составляют три группы языковых элементов:

- русские книжные слова, формы и выражения:
 - слова, образованные при помощи аффиксов старославянского происхождения *-ение, -ание, -ние, -ие, -ство, -ость, -тель, -тельство*, например, «*И того ради вельми ... надлежитъ о семъ дать знать чрезъ нововыданное вашеѣмъ благоразоуміемъ изъясленіе...*» (Первое письмо, с. 309); «*... и ради подлиннаго свидѣтельства носить съ собою исповѣдальную книгу...*» (Третье письмо, с. 45);
 - церковнославянизмы, искусственно созданные слова, не свойственные живой речи: новые канцеляризмы и композиты, например, «*... не искуся и не утвердя въ новоположенныхъ отъ высокоразоуменія твоего статьяхъ дѣтей своихъ духовныхъ не исповѣдывали*» (Первое письмо, с. 312); «*Истинно, государь, я истинствую вышеписанныхъ порядкахъ...*» (Второе письмо, с. 32); «*И для такой многодѣльной описи дать изъ приказовъ подъячихъ...*» (Третье письмо, с. 41); «*... но воздасть и со излишествомъ за насажденіе сего малаго лѣторасельнаго древа...*» (Первое письмо, с. 316); «*...въ градѣ Москвѣ соорудити бы академию великую патриаршу и въ нѣе собрать учителей благочестивыхъ, высокоученныхъ отъ различныхъ странъ*» (Второе письмо, с. 22);

- иноязычная лексика. Слова иностранного происхождения, вошедшие в русский язык в первой трети XVIII века, в изучаемых нами письмах не были обнаружены: их отсутствие связано с их тематической направленностью.

Таким образом, проведенный нами анализ 3 писем публициста И.Т. Посошкова митрополиту Стефану Яворскому показал, что автор использует и элементы церковнославянского языка, и слова и конструкции делового, приказного языка, и элементы живой разговорной речи. Полученные результаты свидетельствуют о том, что язык первой трети XVIII века был подвижен и изменчив, в нем смешивались новые и старые языковые средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013.
2. Винокур Г. О. История русского литературного языка: Русский литературный язык в первой половине XVIII века // *Избранные работы по русскому языку*. М., 1959.
3. Войлова К. А., Леденева В. В. История русского литературного языка: учебник для вузов, М., Дрофа, 2009.
4. Житецкий П. И. К истории литературной русской речи в XVIII веке // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, 1903, Т. 8, Кн. 2.
5. Ремнева М. Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв.: Учебное пособие по курсу «История русского литературного языка». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Ա. ԽԻԶԱՆՅԱՆ – Ռուս գրական լեզուն Պետրոս I ժամանակաշրջանում (Ի.Տ. Պոսոշկովի՝ Ստեֆան Յավորսկուն ուղղված նամակների նյութի հիման վրա). – Հոդվածում վերլուծվում են նախկինում լեզվական տեսանկյունից չուսումնասիրված Պետրոս I ժամանակաշրջանի հրապարակախոս Ի.Տ. Պոսոշկովի 3 նամակները՝ ուղղված մետրոպոլիտ Ստեֆան Յավորսկուն: Մասնավորապես ուսումնասիրվում են ձևաբանական, շարահյուսական և բառագիտական առանձնահատկությունները: Ուսումնասիրության արդյունքում հեղինակը հանգել է այն եզրակացության, որ նամակներում Պոսոշկովը օգտագործում է ինչպես եկեղեցա-սլավոնական, այնպես էլ գործնական և խոսակցական լեզուներին հատուկ տարրեր:

Բանալի բաներ. Պետրոս I-ի դարաշրջան, XVIII դարի առաջին կես, եկեղեցա-սլավոնական լեզու, գործնական լեզու, խոսակցական լեզու, երկլեզվություն

A. KHIZANTSYAN – Russian Literary Language in the Petrine Epoch (on the Basis of the Letters of I.T. Pososhkov to Stephan Yavorsky). – The paper analyzes the language of three letters from a publicist, public figure of the Petrine epoch I.T. Pososhkov to Metropolitan Stephan Yavorsky. In particular, the morphological, syntactic and lexical features of letters are considered. The main observation made is that the author uses elements of the Church Slavonic language, business (command) language, live speech.

Key words: the Petrine epoch, language of the first third of the XVIII century, command language, live speech, Church Slavonic language, diglossia, bilingualism